

ДЕВЕЕР (DEWEER) против БЕЛЬГИИ
Судебное решение от 27 февраля 1980 г.

**КРАТКОЕ НЕОФИЦИАЛЬНОЕ ИЗЛОЖЕНИЕ
ОБСТОЯТЕЛЬСТВ ДЕЛА**

А. Основные факты

Г-н Девеер, гражданин Бельгии, содержал мясной магазин в Лувене. В сентябре 1974 г. сотрудник Главной экономической инспекции, проводя проверку магазина, установил нарушение министерского декрета от 9 августа 1974 г., регламентировавшего наряду с другими вопросами порядок установления цен на мясопродукты. На основании отчета инспектора, королевский прокурор при суде Лувена 30 сентября уведомил заявителя, что против него возбуждено уголовное дело и с этого момента, впредь до решения суда, его магазин будет закрыт. Однако г-н Девеер может избежать этих последствий, уплатив в порядке “мирного урегулирования” 10000 (десять тысяч) бельгийских франков. Поскольку в ином случае ему грозили большие финансовые потери из-за закрытия магазина, заявитель уплатил штраф, оговорив, однако, в письме к прокурору, что считает предложенную ему альтернативу незаконной. Тем не менее г-н Девеер не обратился ни в гражданский суд, ни в Государственный Совет на предмет признания министерского декрета от 9 августа 1974 г. В феврале 1975 г. он подал жалобу в Комиссию по правам человека. В 1978 г. г-н Девеер умер 14 января 1978 г., но месяц спустя его вдова и три дочери поставили Комиссию в известность, что они считают себя морально и материально заинтересованными в завершении начатого им дела.

В. Разбирательство в Комиссии по правам человека

В жалобе заявитель утверждал, что наложенная на него до судебного рассмотрения санкция нарушала презумпцию невиновности (статья 6 п. 2), а закрытие магазина на неопределенный срок (в случае отказа уплатить штраф) является нарушением статьи 1 Протокола № 1. Комиссия признала жалобу приемлемой и в своем докладе от 5 октября 1978 г. установив факты, выразила единогласное мнение, что:

— одновременное использование “мирного урегулирования” и судебное разбирательство, сопровождаемого на этот период закрытием магазина нарушила право, на справедливое разбирательство по уголовному делу, гарантированное заявителю в силу статьей 6 п. 1 Конвенции.

— взятое отдельно, решение о временном закрытии магазине противоречило принципу презумпции невиновности и не нарушало статью 6 п. 2, статью 1 Протокола № 1;

— не было необходимости в рассмотрении дела в свете статьи 6 п. 3.
Дело было передано Комиссией в Суд 14 декабря 1978 г.

ИЗВЛЕЧЕНИЕ ИЗ СУДЕБНОГО РЕШЕНИЯ

ВОПРОСЫ ПРАВА

I. О предварительных возражениях Правительства

A. О неисчерпании внутренних средств правовой защиты

1. Компетенция Суда и пресекательный срок

25. По мнению Правительства, жалоба неприемлема по причине неисчерпания внутренних средств правовой защиты. Суд правомочен принять такие предварительные возражения к своему рассмотрению, только если государство-ответчик уже выдвигало их перед Комиссией и только “в той мере, в какой это позволяют обстоятельства и существо самих возражений” (см. решение по делу *Де Вильде, Оомса и Версипа против Бельгии* от 18 июня 1971 г., Серия А, т. 12, с. 29—31, п. 47—55).

26. Правительство ссылалось на то обстоятельство, что г-н Девеер:

— не обращался в Государственный совет на предмет аннулирования постановления от 9 августа 1974 г. ;

— не предъявил гражданский иск о возвращении уплаченных сумм и возмещении убытков;

— не настаивал на рассмотрении дела в уголовно-правовом порядке;

— не использовал другие правовые средства.

В 1976 г. Правительство уже ссылалось в своих письменных возражениях на то, что два первых способа правовой защиты не были использованы. Поэтому Суд обязан принять их к рассмотрению (см. вышеупомянутое решение).

По поводу третьей процедуры Правительство в заявлении, сделанном в судебных прениях по существу жалобы 9 декабря 1977 г., утверждало, что она была бы доступна для заявителя, если бы Государственный совет аннулировал постановление от 9 августа 1974 г. (см. с. 24 протокола). Фактически, Правительство сослалось не на неисчерпание правового средства, а на обстоятельства, которые препятствовали использованию, т. е. на гипотетическую возможность, которую можно было реализовать лишь до 31 мая 1978 г., когда дело уже рассматривалось в Комиссии более шести месяцев и возобновление слушаний вряд ли можно было предвидеть (см. п. 20 выше, а также приложение I к докладу Комиссии). Тем не менее Правительство считало, что оно не потеряло своего права на возражение.

Правительство так и не уточнило, в чем состоят “другие средства правовой защиты”, на которые оно ссылалось во время слушаний 27 сентября 1979 г. Предположительно, Правительство допускало при рассмотрении дела в Суде, как оно ранее делало в Комиссии (см. с. 21 его меморандума, 1977 г.), что даже не дожидаясь начала уголовного преследования, г-н Девеер мог бы “предъявить иск... о возмещении ущерба от потерь, которые он понес за время закрытия его заведения, или чрезмерной длительности

такого закрытия”, или попытаться добиться “приостановления исполнения приказа о закрытии в качестве временной меры”. Правительство исходит сейчас как и тогда из странного предположения, которое не соответствует конкретным фактам, а именно что магазина был бы закрыт, если бы заявитель не уплатил штрафа. Точка зрения Правительства касается прежде всего существа спора, она не связана со статьей 26 Конвенции (см. п. 52 ниже). Когда государство прибегает к правилу исчерпания средств правовой защиты, предназначенного прежде всего, “защищать национальный порядок”, то на государстве лежит обязанность доказать, что в распоряжении заинтересованных лиц действительно имеются правовые средства, которые они не использовали (см. выше упомянутое решение по делу *Де Вильде, Омса и Версипа против Бельгии*, с. 31 и 33, п. 55—56). Суд отклонился бы от возложенной на него роли если бы занялся уточнением тех “других средств правовой защиты”, которые имело в виду Правительство.

27. Все, что необходимо проанализировать для решения вопроса об использовании правовых средств, включает:

- неподачу обращения об аннулировании Декрета от 9 августа 1974 г.;
- неподачу гражданского иска о возврате уплаченных сумм и возмещении ущерба;
- нежелание заявителя рассмотреть дело в уголовно-правовом порядке.

2. Обоснованность предварительного возражения

(а) ?аеіаа об аннулировании постановления от 9 августа 1974 г.

28. В своем решении от 10 марта 1977 г. о приемлемости жалобы Комиссия сочла обращение в Государственный совет неадекватным средством правовой защиты. С точки зрения Комиссии, “оно” не предоставило бы возмещения по жалобам заявителя”, которые были направлены не против “основного принципа” министерского постановления от 9 августа 1975 г., на котором основано решение инспектора, г-на Вандерлейдена, а единственно против “процедуры наложения наказания” за такие правонарушения (см. с. 34 доклада). Комиссия сохранила, по существу, такую же позицию и в Суде.

Правительство ответило, что в своем письме от 3 октября 1974 г. на имя королевского прокурора Лувена г-н Девеер усомнился в принципиальной правильности постановления от 9 августа 1974 г. и намеревался обратиться в Государственный совет (см. п. 10 выше). Указанное средство правовой защиты, добавило Правительство, “является наиболее радикальным, т. к. оно позволяет заявителю требовать придания обратной силы отмене решению об аннулировании акта”; решения, вынесенные Государственным советом 5 июля 1973 г. и 31 мая 1978 г., продемонстрировали эффективность данного средства правовой защиты (см. п. 20 выше). В представлении Правительства говорилось, что тот факт, что г-н Девеер предпочел ограничить свою жалобу, направленную в Комиссию, “процедурой наложения наказания”, не освобождал его от использования такого предварительного средства, как попытка добиться полной отмены министерского Декрета.

29. Как было недавно подчеркнуто Судом, статья 26 Конвенции требует обязательного использования только тех средств правовой защиты, ко-

торые являются одновременно доступными и достаточными в отношении предполагаемого нарушения (см. решение по делу Эйри от 9 октября 1979 г., Серия А, т. 32, с. 11 п. 19). Нарушения, обжалуемые заявителем, состоят в ущемлении права на справедливое разбирательство дела в суде (статья 6), а также права собственности (статья 1 Протокола № 1); эти нарушения предположительно были вызваны решением, принятым 30 сентября 1974 г., о временном закрытии магазина в случае неуплаты “штрафа” в согласительном порядке.

Полномочия королевского прокурора Лувена, использованные в связи с нарушением статьи 2 § 4 и статьи 3 § 1 Декрета от 9 августа 1974 г., основаны не на этом регламентарном акте, который согласно статье 14 Консолидированного закона о Государственном совете мог быть аннулирован лишь законом, а на основании статьи 11 § 1—2 Закона 1945/1971 (см. п. 8, 9, 13 и 15 выше).

По сути дела, г-н Девеер не ошибся целью: его требование в Комиссию было направлено против указанной статьи 11, и в частности ее п. 2, а не против министерского декрета. Предположительно сомнения относительно законности декрета ранее были высказаны в его письме от 3 октября 1974 г. на имя королевского прокурора (см. п. 10 выше), но он не стал вновь ставить этот вопрос в своей жалобе в Комиссию).

Этот выбор заявителя обязателен для Суда. В соответствии со статьей 25 Конвенции заявитель свободен в выборе решения о том, на основании для признания за ним статуса жертвы. Статья 26, в принципе, препятствует лишь тому, чтобы в Комиссию подавались жалобы, которые ранее не рассматривались в рамках национального правопорядка; с другой стороны, заинтересованное лицо не обязано в силу статьи 26 воспроизводить в своем обращении Комиссию все содержание жалобы в компетентные национальные органы.

Жалоба об аннулировании, возможно, привела бы по прошествии продолжительного времени (см. п. 20 выше) и окольными путями к признанию, с учетом статьи 6 Конституции Бельгии, что г-н Девеер не совершил никакого уголовно наказуемого правонарушения и, соответственно, ему были бы возвращены уплаченные им 10 000 бельгийских франков. Тем не менее скорая и непосредственная защита прав, гарантированная статьей 6 Конвенции и статьей 1 Протокола № 1, не была бы в таком случае обеспечена. Короче говоря, подобные действия исправили бы некоторые последствия оспариваемого решения, но не устранили бы их причину, т. е. одновременное применение § 1 и 2 статьи 11 Закона 1945/1971. Статья 26 Конвенции не идет настолько далеко, чтобы требовать использования столь косвенных способов исправления ситуации; она не настолько растяжима, как то, по-видимому, полагает Правительство (см. *mutatis mutandis*, решение по делу Стогмюллера от 10 ноября 1969 г. Серия А, т. 9, с. 42, п. 11).

(b) Иск о возврате неосновательно уплаченного и возмещении ущерба

30. По мнению Комиссии, иск о реституции неосновательно уплаченного и возмещении ущерба (статьи 1235, 1382 Гражданского кодекса) носит алетуарный характер, т. к. “бельгийское право в данных обстоятельствах, по-видимому, не было нарушено”. Во всяком случае остался бы след возбужденного уголовного дела в форме упоминания в приложениях к “судеб-

ному досье” лица (см. п. 15 выше); отсюда следует, что иск не мог бы служить действенным и достаточным средством правовой защиты (см. с. 34 доклада).

Возражая на это, Правительство отметило, что сам г-н Девеер, похоже, не рассматривал такой иск как имеющий сомнительную ценность, т. к. в своем письме от 3 октября 1974 г., направленном королевскому прокурору, он оговорил возможность его предъявления (см. п. 10 выше). По мнению Правительства, отношение Государственного совета и многих уголовных судов к Декрету от 9 августа 1974 г. было таково, что обращение заявителя в суд имело бы хорошие шансы на успех; такой иск позволил бы оспорить, опираясь на Конвенцию, как основание для обвинения, так и процедуру наложения наказания.

31. Эта аргументация побуждает *mutatis mutandis* Суд развить соображения, аналогичные тем, что изложены выше в первом и предпоследнем абзаце п. 29. Гражданский иск не дал бы заявителю реальной возможности изложить свои доводы в суде, который решает вопрос об обоснованности уголовного обвинения. Как было указано делегатами Комиссии, уплата штрафа исключала возможность публичного иска (см. п. 15 выше). Гражданский суд только косвенным путем мог бы рассматривать уголовно-правовую сторону вопроса; Правительство признало это в своем ответе на поставленный Судом вопрос.

(с) Процедура пересмотра уголовного дела

32. Следует задаться вопросом, как это было сделано делегатами Комиссии, какое отношение имеет нежелание заявителя рассмотреть дело в уголовно-правовом порядке к целям, преследуемым статьей 26. В любом случае, по крайней мере из буквального толкования статьи 443 и последующих статей Уголовно-процессуального кодекса, относящихся к делу, следует, что они говорят только об окончательном осуждении. Правительство само указало на это, но ему представляется, что в случае со штрафом, который был уплачен в согласительном порядке на эти нормы можно сослаться “по аналогии”. Однако, как признал представитель Правительства, попытки использовать такую аналогию неизвестны. У Суда нет необходимости высказываться по поводу спорных утверждений на том основании, что речь идет о спорном правовом средстве, которое само бельгийское право считает чрезвычайным; Суд ограничивается установлением того обстоятельства, что Правительство не представило доказательств, которые оно обязано было привести (см. п. 26 выше).

33. Вывод: ни по одному из трех пунктов доводы о неисчерпании внутренних средств правовой защиты не были обоснованными.

В. О просьбе прекратить дело

34. Цитируя решение по делу Де Бекера от 27 марта 1962 г. (Серия А, т. 4, с. 26, п. 14), Правительство утверждало, что жалоба стала беспредметной в результате отмены министерского Декрета от 9 августа 1974 г. Соответственно, Правительство предложило Суду прекратить дело.

35. Вопрос должен быть рассмотрен Судом на основании статьи 47 Регламента Суда, нынешний текст которой датирован 27 августа 1974 г.

36. Пункт 1 данной статьи не применим к данному делу, т. к. он охватывает только случай прекращения дела по просьбе заявителя, а именно государства, передавшего дело в Суд (см. решение по делу Кьелдсен, Буск Мадсен и Педерсен от 7 декабря 1976 г. Серия А, т. 23, с. 21, п. 47).

37. Пункт 2, предусматривает, что, “будучи информирован о мировом соглашении или о другом подобном обстоятельстве, ведущем к разрешению спора”, Суд может, при условии соблюдения требований п. 3, прекратить дело, подлежащее рассмотрению”. Однако не было никакого соглашения — формального или иного — между Правительством и заявителем или его наследниками; в данных обстоятельствах нельзя говорить ни о “мировом соглашении”, ни об “урегулировании” (см. решение по делу Людике, Белкасема и Коца от 28 ноября 1978 г. Серия А, т. 29, с. 15, п. 36). Остается лишь установить, не существует ли “каких-либо других фактов такого рода, ведущих к решению данного вопроса”.

Смерть г-на Девеера, конечно, не является такого рода фактом. 14 февраля 1978 г. г-жа Девеер и ее три дочери уведомили Комиссию “о своей материальной и моральной заинтересованности в завершении дела, начатого их мужем и отцом” (см. п. 6 Доклада Комиссии). Правительство этот интерес не оспаривало. Суд, со своей стороны, хотел бы отметить, что он целиком и полностью одобряет практику, которой Комиссия следует в делах такого рода. Она “сейчас молчаливо подтвердила”, что в случае смерти заявителя, его наследники, в принципе, могут утверждать, что они явились “жертвами” (п. 1 статьи 25 Конвенции) предполагаемого нарушения, как его законные преемники, а в некоторых случаях и от своего собственного имени (см. жалобу № 4427/70 от 24 мая 1971 г. по делу *X против Федеративной Республики Германии*. D.R. т. 38, с. 39; жалоба № 6166/73 от 30 мая 1975 г. по делу *Баадер, Майнс, Мейнхоф и Грундман против Федеративной Республики Германии*. Там же, т. 2, с. 66; жалобы № 7572/76, 7586/76 и 7587/76 от 8 июля 1978 г. по делу Энслина, Баадера и Распе. Там же, т. 145, с. 67, 83). В данном случае вдова г-на Девеера и его дети имеют статус заявителей.

Правительство ссылается на решение Государственного совета от 31 мая 1978 г., аннулировавшее постановление от 9 августа 1974 г. Как и смерть г-на Девеера, последовавшая 14 января 1978 г., это произошло перед утверждением доклада Комиссии (5 октября 1978 г.) и упомянуто в конце последнего. Суд, таким образом, имел возможность учесть это обстоятельство с того самого дня, когда дело было ему направлено (14 декабря 1978 г.). Однако статья 47 п. 2, как ясно следует из ее текста, посвящена случаю, когда Суд получает сведения по делу, когда оно уже рассматривается. Кроме того и это главное, решение Государственного совета могло бы в лучшем случае привести к возврату 10 000 бельгийских франков, уплаченных г-ном Девеером; оно не восстанавливало требуемого им в данных обстоятельствах права, а именно права лично защищать себя в уголовном процессе в соответствии с требованиями статьи 6 Конвенции. Таким образом, до настоящего времени “вопрос” не получил “решения”.

38. Более того, п. § 1—2 статьи 11 Закона 1945/1971 все еще действуют (см. п. 17 выше), в результате чего они могут быть в любой момент применены в сочетании, как это и случилось в отношении г-на Девеера. Таким образом, главный вопрос, поднятый в ходе рассмотрения дела, остается нерешенным; эта проблема выходит за рамки личных интересов заявителя и его наследников. Раз это так, то Суд должен, принимая во внимание п. 3

статьи 47 Регламента Суда, продолжить рассмотрение данного вопроса (см. *mutatis mutandis* вышеупомянутое решение по делу Людике, Белкасема и Коца, с. 15, п. 36, последний абзац; и решение по делу *Ирландия против Соединенного Королевства* от 18 января 1978 г. Серия А, т. 25, с. 62, п. 154).

II. О существе дела

A. О предполагаемом нарушении статьи 6 п. 1 Конвенции

39. Требование г-на Девеера о признании его жертвой “наложения штрафа, уплаченного в порядке мирового соглашения, к которому его принудили угрозой временного закрытия его магазина”, основывается, в первую очередь, на статье 6 п. 1 Конвенции, первое предложение которой гласит:

“Каждый человек имеет право при определении его гражданских прав и обязанностей или при рассмотрении любого уголовного обвинения, предъявляемого ему, на справедливое и публичное разбирательство дела в разумный срок независимым и беспристрастным судом, созданным на основании закона...”.

Согласно докладу Комиссии, “взятые в отдельности, ни предложение уплатить штраф, ни решение о закрытии магазина” не противоречат процитированному тексту, но использование этих двух процедур “в сочетании” действительно нарушает гарантированноеим право (см. п. 49, 59 доклада).

Правительство, со своей стороны, утверждало:

— “документ, посредством которого... заявителю было предложено уплатить штраф, не был решением о его “правах и обязанностях гражданско-правового характера” или основанием “уголовного обвинения” против него; имело место лишь предложение мирно решить вопрос, что не ущемляло его “права на справедливое и публичное разбирательство дела в разумный срок независимым и беспристрастным судом, созданным на основании закона”;

— “постановление, посредством которого... королевский прокурор Лувена распорядился временно закрыть магазин заявителя, было не более чем мерой обеспечения контроля и безопасности, не являлось по своей природе наказанием и не имело целью служить ни основанием “уголовного обвинения”, ни инструментом определения “прав и обязанностей” гражданско-правового характера”, оно не препятствовало вынесению судами любого решения по данному вопросу и, следовательно, не ущемляло права г-на Девеера “на справедливое и публичное разбирательство дела в разумный срок независимым и беспристрастным судом, созданным на основании закона”;

— “ничто в Конвенции... не запрещает совместное использование согласительной процедуры”.

40. Суд сосредоточит свое внимание на этом последнем моменте. В ходе судебного разбирательства, возникшего по индивидуальной жалобе, Суд должен стремиться по мере возможности ограничиться вопросами, возникшими по данному конкретному делу. Следовательно, задача Суда состоит не в ответе на вопрос о совместимости с Конвенцией § 1—2 статьи 11 Закона 1945/1971, а в установлении той роли, которую они играли в конкретных обстоятельствах, т. е. их “совместное использование”.

1. Применимость статьи 6 п. 1 к настоящему случаю

41. Вопрос о том, имеет ли статья 6 п. 1 отношение к рассматриваемому делу, по-видимому, даже не обсуждался. Никто перед Комиссией не отрицал, что “против заявителя было начато уголовное производство”; применимость статьи 6 п. 1 Конвенции вытекала из статей 5, 9 и 11 Закона 1945/1971 (см. п. 52—52 доклада). Во время слушаний делегаты Комиссии нашли “совершенно очевидным” тот факт, что г-ну Девееру было предъявлено обвинение “уголовного характера”; Правительство не возражало.

42. Согласно терминологии бельгийского внутреннего права, заявитель не был обвиняемым, когда королевский прокурор Лувена направил ему письмо от 30 сентября 1974 г.; более того, статья 11 § 1 Закона 1945/1971 уточняет, что никакое предложение о согласительной процедуре урегулирования не может быть сделано после того, как дело о правонарушении передано в суд (см. п. 9, 15 выше).

Понятие “уголовное обвинение” носит автономный характер в том смысле, что его следует понимать в соответствии с настоящей Конвенцией (см., в частности, решение по делу Кёнига от 28 июня 1978 г. Серия А, т. 27, с. 29, п. 88), в особенности с учетом того, что в английском тексте в статье 6 п. 1 — как и статьи 5 п. 2, соответствующий термин является гораздо более емким.

В сфере уголовного права “разумный срок” согласно статье 6 п. 1 “по необходимости начинается в тот день, когда лицу предъявлено обвинение” (см. решение по делу Неймастера от 27 июня 1968 г. Серия А, т. 8, с. 41, п. 18). “Разумный срок” может при определенных обстоятельствах начать течь ранее передачи дела для рассмотрения в компетентный суд (см. решение по делу Голдера от 21 февраля 1975 г. Серия А, т. 18, с. 15, п. 32). В судебных решениях по делам Вемхофа и Неймастера от 27 июня 1968 г., а затем в судебном решении по делу Рингейзена от 16 июля 1971 г. точкой отсчета, соответственно, были день ареста, дата, когда лицо было официально уведомлено, что оно уголовное преследование, возможно, а также день открытия предварительного следствия (Серия А, т. 7, с. 26—27, п. 19; Серия А, т. 8, с. 41, п. 18; Серия А, т. 13, с. 45, п. 110).

43. В данном случае не было ни ареста, ни официального уведомления о предстоящем уголовном преследовании. Инспекция, проведенная г-ном Вандерлейденом в магазине г-на Девеера, была составной частью непрерывного процесса контроля за соблюдением нормативов и правил, действующих в экономической жизни страны; инспекция проводилась не в контексте борьбы с преступностью. Административный протокол от 18 сентября 1974 г. был передан королевскому прокурору “для информации и принятия решения” (см. п. 8 и 12 выше). В своем письме от 30 сентября 1974 г. королевский прокурор, уведомив заявителя о закрытии его заведения, предложил ему способ “избежать преследования”, а именно заплатить сумму в 10 000 бельгийских франков. Уголовное разбирательство еще не началось, когда 2 октября была произведена оплата (см. статью 11 § 1 Закона 1945/1971, п. 9—11 и 15 выше).

44. Однако с учетом важного места, которое занимает в демократическом обществе право на справедливое судебное разбирательство (см., в особенности, выше упомянутое решение по делу Эйри, с. 12—13, п. 24), Суд должен склоняться к выбору в пользу “содержательного”, а не “формального” понятия “обвинения”, в тексте статьи 6 п. 1. Суд призван следить за тем,

что скрывается за внешней стороной дела, и исследовать реалии рассматриваемой процедуры.

45. В этом ракурсе соответствующие нормы бельгийского законодательства (см. п. 12—15 выше) многое проясняют. Предшественником Закона 1945/1971 был закон-декрет, изданный во время Второй мировой войны, в самый разгар нехваток, рационирования и “черного рынка”. При помощи целого ряда решительных мер этот Закон-декрет выстроил целую систему “репрессий против нарушения правил, регулирующих снабжение страны”. Возвращение к нормальным условиям позволило ослабить суровость его норм и изменить название, но даже существующий текст все еще несет на себе отпечаток своего происхождения. Свидетельством тому является терминология. Так, в § 1—2 статьи 11, положенных в основу оспариваемых решений королевского прокурора используются такие термины, как “правонарушитель” и “преступление”. Кроме того, всякий, кто нарушит акт, изданный во исполнение главы I указанного Закона, например, Декрета от 9 августа 1974 г., может быть подвергнут одному из наказаний, перечисленных в статье 9, а именно тюремному заключению, штрафу, конфискации имущества, закрытию предприятия по предписанию суда и публикации за счет нарушителя текста вынесенного судебного решения. Предложение о “согласительном порядке”, сделанное 30 сентября 1974 г., было фактически заменой по крайней мере некоторых из этих наказаний. Если бы заявитель отверг это предложение, тогда бы вступило в силу альтернативное его решение о временном закрытии, которое бы действовало вплоть до “даты вынесения судебного решения по данному правонарушению” (п. 2 статьи 11); заявитель рисковал подвергнуться тюремному заключению и штрафу, если бы позволил себе проигнорировать решение о закрытии (§ 5 (b) статьи 9 и § 2 статьи 11, взятые в сочетании).

Аналогичным образом административный протокол от 18 сентября 1974 г. говорил о г-не Девеере, как “нарушителе” статьи 2 §. 4 и статьи 3 § 1 постановления от 9 августа 1974 г. (см. п. 8 выше). В своем решении от 30 сентября королевский прокурор Лувена упомянул также о “преступлении”, хотя прокурор не считал необходимым требовать заключения нарушителя под стражу. Он подчеркнул тем не менее “серьезность” происшедшего. В письме, датированном тем же числом, он привлек особое внимание заявителя к “тяжелым наказаниям”, которые предусматривает закон за неисполнение приказа о закрытии (см. п. 9 выше).

Приказ о закрытии, как наглядно показало Правительство, был отдан “в обычном порядке разбирательства по уголовному делу, которое должно было последовать после того как поступило сообщение о совершении г-ном Девеером правонарушения”. Приказ был прелюдией к “уголовному судопроизводству”, которое королевский прокурор собирался открыть, если бы нарушитель отказался от согласительной процедуры — уплаты штрафа.

Кроме того, Правительство подчеркнуло, что заявитель якобы “признался” инспектору, г-ну Вандерлейдену, и утверждало, что “явное преступление”, совершенное г-ном Девеером, было выявлено им “прямо на месте”. С точки зрения Правительства, “согласившись заплатить штраф в согласительном порядке” — “своего рода компенсацию обществу за достойное порицания поведение”, — заявитель признал тем самым свою “вину”, “возможно не прямо, но по существу” (см. с. 34 протокола слушания в Комиссии от 9 декабря 1977 г.).

Хотя подобный штраф нельзя приравнивать к наказанию по уголовному делу, факт его уплаты должен быть в любом случае обязательно упомянут в информационных сообщениях, направляемых муниципалитетами для включения их в юридическое досье лица (см. п. 15 выше).

46. Таким образом, сочетание ряда факторов с несомненностью показывает, что в свете Конвенции данное дело носит уголовный характер. “Обвинение” можно было бы в целях статьи 6 п. 1 определить как официальное уведомление лица компетентным органом государственной власти о наличии предположения о том, что этим лицом совершено уголовно наказуемое правонарушение. Во многих случаях Комиссия использовала формулу, которая, как представляется, весьма тесно связана с вышесказанным, а именно, “сказалось ли это существенным образом на положении [подозреваемого]” (дело Неймастера. Серия В, т. 6, с. 81). В подобных обстоятельствах Суд полагает, что начиная с 30 сентября 1974 г. заявителю было предъявлено “уголовное обвинение”.

47. Таким образом, статья 6 является полностью применимой к обстоятельствам настоящего дела, что следует из ее последнего предложения. Суд не обязан устанавливать, имеет ли отношение к делу п. 1 статьи 6 по причине наличия “гражданско-правовых прав и обязанностей”: этот вопрос не представляет интереса для принятия решения по данному делу (см. *mutatis mutandis* решение по делу Энгель и другие от 8 июня 1976 г. Серия А, т. 22, с. 36—37, п. 87).

2. О применении статьи 6 п. 1 к настоящему случаю

48. В соответствии со статьей 6, п. 1 г-н Девеер имел право на справедливое разбирательство (см. вышеупомянутое решение по делу Голдера, с. 18 п. 36) перед “независимым и беспристрастным судом, созданным на основании закона” для “рассмотрения предъявленного ему уголовного обвинения” и решение о его как правовой, так и фактической обоснованности (см. выше упомянутое решение по делу Делькура, с. 14). Поэтому в суде заявитель имел бы право ссылаться, как он это делал, давая показания г-ну Вандерлейдену, не только на свою добросовестность или на дополнительные затраты, на которые приходится идти мясникам, покупающим живой скот, но и на то, что министерский Декрет от 9 августа 1974 г. противоречит Конституции или несовместимо с нормами права Европейского Сообщества (см. п. 19—20 выше). Кроме того, г-н Девеер получил бы возможность пользоваться гарантиями, статьи 6 п. 2, 3.

49. “Право на правосудие” — одно из составляющих справедливого судебного разбирательства, так же не абсолютно в уголовно-правовой, как и в гражданско-правовой сфере. Оно подвержено подразумеваемым ограничениям, два примера которых были приведены в п. 58 Доклада Комиссии (решение не возбуждать судебного преследования и постановление о прекращении производства); в задачу Суда не входит разработка общей теории подобных ограничений (см. *mutatis mutandis* вышеупомянутое решение по делу Голдера, с. 18—19, п. 36 и 38—39).

Однако данное судебное разбирательство не касается такого рода ограничений. Заплатив 10 000 бельгийских франков в порядке штрафа (см. п. 9 выше), г-н Девеер отказался от своего права на рассмотрение его дела судом.

Во внутреннем законодательстве многих Договаривающихся Государств такого рода отказ нередко встречается как в области гражданского права в частности, в виде арбитражных оговорок так и в сфере уголовного права в виде *inter alia* штрафов, уплачиваемых в согласительном порядке. Такой отказ, который имеет несомненные преимущества для заинтересованного лица, а также для отправления правосудия, в принципе не противоречит Конвенции; в этом вопросе Суд разделяет точку зрения Комиссии (см. п. 55—56 доклада; жалоба № 1197/61, решение от 5 марта 1962 г. по делу *X против Германии*. Yearbook of the Convention Конвенции, т. 5, с. 94—96).

Тем не менее в демократическом обществе “праву на правосудие” (см. п. 44 выше) слишком значимо, чтобы оно могло считаться утраченным единственно по той причине, что лицо оказалось стороной в соглашении, носящем согласительный характер. В сфере публичного порядка любая мера или решение, предположительно нарушающие статью 6, требует особенно тщательного рассмотрения (см. статью 55, а также выше упомянутое решение по делу *Де Вильде, Омс и Версин против Бельгии*, с. 36 п. 65). Суд учитывает, как строго относятся бельгийские суды, основываясь на статье 8 Конституции страны и статье 6 настоящей Конвенции, к нарушениям “права на правосудие” в сфере частноправовых отношений (см., например, решение суда Брюсселя по гражданским делам от 23 ноября 1967 г. *Journal des Tribunaux*, 1967, р. 741; решение Кассационного суда от 1 июня 1966 г. с заключительным выступлением заместителя генерального прокурора. *Pasicrisie* 1966, I, р. 1249—1250; и 1251—1252). Такая же требовательность необходима, когда тот, кому ранее было предъявлено “уголовное обвинение”, оспаривает затем согласительную процедуру, которая явилась препятствием для осуществления права на правосудие. Никакое принуждение в этом плане недопустимо; это продиктовано международными договорами, которые основываются на принципах свободы и верховенства права (см. вышеупомянутое решение по делу Голдера, с. 16—17, п. 34). Здесь вновь позиции Суда и Комиссии совпадают.

50. В п. 57 своего доклада Комиссия выразила мнение, что в данном случае имело место принуждение: она сочла, что заявитель отказался от гарантий, предоставляемых статьей 6 п. 1, только “под угрозой серьезных неприятностей”, которые повлекло бы для него закрытие магазина.

51. (а) В первом представлении Правительства говорилось следующее: предложение об урегулировании путем уплаты штрафа, сделанное г-ну Девееру 30 сентября 1974 г., он был вправе легко отвергнуть; “приняв данное предложение и действуя сообразно с ним 2 октября”, заявитель, “заплатив сравнительно скромную сумму, сумел избежать опасности наказания гораздо более строгого, включая при наличии соответствующих обстоятельств судебный приказ о закрытии предприятия” (статья 9 § 5 Закона 1945/1971; см. п. 13 выше).

Правительство считало позицию Комиссии непоследовательной. В п. 57 доклада процедура, использованная в данных обстоятельствах, характеризуется как нарушающая Конвенцию на том основании, что она связана с принуждением, а в п. 57 и 59 содержится признание того, что согласительные процедуры в делах такого рода правомерны. В подобного рода соглашениях “всегда присутствует определенная доля принуждения или угрозы более серьезного ущерба” и уголовное преследование “для большинства тех, против кого оно ведется или может быть возбуждено, представляет нечто, чего следует опасаться”. Все это в очень многих случаях “является достаточ-

но серьезной угрозой, побуждающей [их] воздержаться” от рассмотрения своего дела в суде.

(b) Суд отмечает, что хотя перспектива предстать перед судом, вероятно, усиливает готовность к компромиссу у многих людей, “обвинение”, и оказываемое таким путем давление не является несовместимым с Конвенцией. При условии соблюдения требований статей 6 и 7 она в принципе не ограничивает свободу государства объявлять преступным и подвергать уголовному преследованию любое поведение, которое не является обычным способом осуществления одного из охраняемых Конвенцией прав (см. вышеупомянутое решение по делу *Энгель и другие*, с. 34, п. 81).

Более того, заявитель вряд ли боялся уголовного преследования, поскольку оно весьма вероятно завершилось бы оправданием, которому могла предшествовать прелюдиальная жалоба в Суд Европейских сообществ (см. п. 19—20 выше). Принуждение, на которое жаловался заявитель, следует искать в другом, а именно в приказе о закрытии магазина от 30 сентября 1974 г.

Этот приказ должен был вступить в действие через сорок восемь часов после вручения уведомления о решении королевского прокурора и мог оставаться в силе до даты принятия решения компетентным судом (статья 2 § 2 и статья 9 § 5 (b) Закона 1945/1971; см. п. 13 выше). Это означает, что на протяжении многих месяцев заявитель был бы лишен дохода от своей профессиональной деятельности, не мог платить зарплату своим сотрудникам и потерять свою клиентуру к тому времени, когда магазин откроется вновь (см. с. 2, 7, 46, 47 и 49 протокола слушаний в Комиссии 9 декабря 1977 г. и судебных слушаний от 27 сентября 1979 г. — ответ, данный адвокатом заявителя на третий вопрос Суда). В результате г-н Девеер понес бы значительные убытки.

Королевский прокурор Лувена действительно предложил г-ну Девееру способ избежать такой опасности, а именно, заплатить 10 000 бельгийских франков в порядке “мирового соглашения” (см. п. 9 выше). Такое решение, конечно, представляло собой гораздо меньшее зло. Как справедливо указало Правительство, сумма о которой идет речь — была немногим больше установленного законом минимального размера штрафа — 3000 бельгийских франков, тогда как согласно статье 11§ 1 Закона 1945/1971 она могла бы даже превысить максимальный штраф, — 30 миллионов бельгийских франков (см. п. 13 и 15 выше). Соответственно, как отметили делегаты Комиссии, существовало “явное несоответствие” между двумя альтернативами, с которыми столкнулся заявитель. “Относительная умеренность” требуемой суммы фактически говорит против доводов Правительства, т. к. она лишь увеличивала воздействие угрозы приказа о закрытии магазина, которая оказалась настолько сильной, что неудивительно, что г-н Девеер поддался ей.

52. Излагая свою позицию по существу, Правительство выдвинуло еще одно возражение. Оно утверждало, что ничто не мешало г-ну Девееру отказаться от “мирового соглашения” и оспорить решение королевского прокурора, подав иск о возмещении ущерба, понесенного вследствие закрытия предприятия” или “чрезмерной длительности такого закрытия”, а также просить о вынесении “в качестве временной меры” решения “о приостановлении действия приказа о закрытии” (см. п. 44 Доклада Комиссии).

(a) По поводу последнего момента Правительство при этом ссылалось на статью 584 Судебного кодекса Бельгии, согласно которой “председатель

суда первой инстанции по всем вопросам, кроме изъятых законом из юрисдикции судов, вправе в случаях, признанных им неотложными, выносить предварительные решения”. Это весьма широкая норма и ничто не мешало ее возможному применению в данном случае.

Делегаты Комиссии усомнились в том, что “временные меры, принятые прокуратурой”, могут в свою очередь стать объектом других “временных мер”, принятых гражданским судом с целью противодействовать первым мерам, тем более что в бельгийском судопроизводстве действует правило “уголовное приостанавливает гражданско-правовое”.

Суд разделяет сомнения делегатов Комиссии и хотел бы добавить к уже выдвинутым доводам следующие соображения. Как указали сами представители Правительства, “ходатайство о принятии временных мер обычно является вспомогательным по отношению к основному требованию, и приказы о промежуточных мерах отдаются при условии, если они не нанесут ущерба рассмотрению основного требования по существу”. Однако настоящий Суд не видит, какая юрисдикция, рассматривая данное дело “по существу”, могла бы отменить закрытие, сославшись, например, на Конституцию или на Конвенцию. Статья 2 § 5 Закона 1945/1971 позволяет подать в административный суд первой инстанции жалобу, приостанавливающую действие решения министра экономики о закрытии предприятия, рассматриваемую в суде первой инстанции, по этим Законам не предусмотрено право на подачу жалобы на решения о закрытии предприятия, вынесенные королевским прокурором (см. п. 13 выше).

(b) Относительно обращения в суд с иском о возмещении ущерба, вызванного закрытием предприятия, Правительство не уточнило, в какой форме оно считало возможным предъявление подобного иска. В Бельгии существуют строгие правила личной ответственности магистратов, работающих в прокуратуре. Так, их можно “призвать к ответу” только в том случае, “если они виновны в подлоге или в обмане”, “если закон признает их ответственность в случае причинения ущерба” или если закон “специально” предусматривает возможность призвать их к ответственности (статья 1140—141 Судебного кодекса). Правительство не утверждало, что в настоящем случае имелись какие-либо из этих условий. Оно также не указало, каким образом решение королевского прокурора Лувена могло повлечь за собой ответственность публичных властей.

В компетенцию настоящего Суда не входит рассмотрение проблем внутреннего законодательства Бельгии, которые, по-видимому, еще не нашли своего решения и по поводу которых Правительство не представило достаточной информации. Суд ограничивается тем, что отмечает, что заявитель, столкнувшись с серьезной и непосредственной угрозой, вполне естественно занялся сперва решением наиболее неотложной проблемы и не стал предаваться рискованным спекуляциям правового характера; Суд не может его за это упрекнуть.

53. Наконец, Правительство подчеркнуло, что “Комиссия согласилась с тем”, что “немедленное закрытие” магазина было бы вполне совместимым с Конвенцией, хотя “столь радикальное решение наверняка обошлось бы заявителю значительно дороже 10 000 [бельгийских] франков”. Исходя из этой посылки, Правительство назвало логику рассуждений доклада “странной”, утверждая, что если следовать ей, то нарушение статьи 6, по существу, вытекало из “любезности”, оказанной г-ну Девееру, а именно, предложения об урегулировании, благодаря которому королевский прокурор

смог принять более мягкое, более гибкое и менее обременительное решение, нежели закрытие. Таким образом, по мнению Правительства, мы приходим к “абсурдному выводу”.

Суд напоминает, что он ограничил свое рассмотрение совместным использованием двух процедур (см. п. 40 выше); в его намерение не входило решить вопрос о том, был бы приказ о закрытии, не сопровождаемый предложением об урегулировании, совместим с требованиями Конвенции.

Суд далее отмечает, как это сделали и делегаты Комиссии, что ситуация, из которой исходит Правительство, существовала лишь в краткий период сразу после войны, когда повсюду был дефицит и экономика работала с крайним напряжением. Начиная с 1946 г. королевские прокуроры использовали § 2 статьи 11 Закона 1945/1971 только в сочетании с § 1; с другой стороны, они часто применяли § 1 без § 2 (см. п. 15 выше, последний абзац).

Кроме того, в области прав человека тот, кому положено больше, не должен принуждаться получить меньше. Конвенция разрешает, при наличии определенных условий, некоторые весьма суровые формы обращения, такие как наказание смертью (статья 2 п. 1, второе предложение), тогда как в то же самое время она запрещает другие, которые в сравнении с этим могут рассматриваться как относительно мягкие, например “незаконное задержание” на короткий период времени (статья 5 п. 1) или высылка гражданина (статья 3 п. 1 Протокола № 4). Возможность подвергнуть лицо одному из видов обращения, указанных первыми, не означает возможности подвергнуть его тем видам обращения, что упомянуты вторыми, даже если он согласен или не противодействует этому (см. *mutatis mutandis* Доклад Комиссии по делу Де Бекера. Серия В, т. 2, с. 90—91, 101—102 и 124—125).

54. Итак, отказ г-на Девеера от справедливого разбирательства в суде со всеми гарантиями, которые требует в данной связи Конвенция, отмечен принуждением. Соответственно, имело место нарушение статьи 6 п. 1.

В. О предполагаемом нарушении статьи 6 п. 2, 3 Конвенции

55. Заявитель ссылался также на п. 2 и на первые четыре подпункта п. 3 статьи 6:

“2. Каждый человек, обвиняемый в совершении уголовного преступления, считается невиновным до тех пор, пока его виновность не будет установлена законным порядком.

3. Каждый человек, обвиняемый в совершении уголовного преступления, имеет как минимум следующие права:

(а) быть незамедлительно и подробно уведомленным на понятном ему языке о характере и основании предъявленного ему обвинения;

(b) иметь достаточное время и возможности для подготовки своей защиты;

(с) защищать себя лично или через посредство выбранного им самим защитника или, если у него нет достаточных средств для оплаты услуг защитника, иметь назначенного ему защитника бесплатно, когда того требуют интересы правосудия;

(d) допрашивать показывающих против него свидетелей или иметь право на то, чтобы эти свидетели были допрошены, и иметь право на вызов и допрос свидетелей в его пользу на тех же условиях, что и для свидетелей, показывающих против него;”.

Правительство не выдвинуло в этой связи отдельных доводов. Комиссия со своей стороны выразила мнение, что “взятое само по себе решение

о закрытии магазина не может противоречить принципу презумпции невиновности”. С учетом вывода, сделанного ею в отношении п. 1, Комиссия не видела смысла в рассмотрении оставшейся части жалобы заявителя в свете п. 2 и посчитала, что нет оснований продолжать ее рассмотрение в свете п. 3.

56. Поскольку применительно к данному случаю значимо только совместное использование двух указанных процедур (см. п. 40 выше), Суд не должен определять, нарушало ли решение о закрытии магазина или предложение об урегулировании, взятые по отдельности, п. 2 либо п. 3 статьи 6.

Суд считает, что оба эти пункта представляют конкретизацию общего принципа, сформулированного в п. 1 данной статьи. Презумпция невиновности, воплощенная в п. 2, и различные права, неисчерпывающий перечень которых приводится в п. 3 (“как минимум следующие”), являются наряду с другими правами составными элементами понятия справедливого судебного разбирательства по уголовным делам (см., например, доклад Комиссии по делу Нильсена от 15 марта 1961 г. Yearbook the Convention, т. 4, с. 548—550).

Тем не менее г-н Девеер был полностью лишен возможности такого разбирательства, т. к. он под принуждением отказался от него (см. п. 54 выше). Соответственно, вопрос о том, были ли соблюдены требования п. 2 и 3? не имеет реального значения; он полностью поглощается вопросом о том, были ли выполнены требования п. 1. Вывод о нарушении требований п. 1 освобождает Суд от необходимости рассматривать данное дело в свете п. 2 и 3, что он был бы обязан сделать в других обстоятельствах (см. вышеупомянутое решение по делу Энгель и другие, с. 37—39).

С. О предполагаемом нарушении статьи 1 Протокола № 1

57. Комиссия по своей собственной инициативе приняла во внимание статью 1 Протокола № 1, которая, гарантирует каждому физическому или юридическому лицу право собственности (см. п. 22 выше). Однако, вынося решение о приемлемости жалобы, Комиссия указала, что это второстепенная проблема. В своем Докладе от 5 октября 1978 г. Комиссия выразила мнение — вопреки доводу, который выдвинул г-н Девеер в “подкрепление своей жалобы” и который оспаривался государством-ответчиком, — что нарушения указанной статьи не было, т. к. “решение о закрытии не было осуществлено”.

58. Суд напоминает, что совместное использование двух процедур — единственный объект его рассмотрения по настоящему делу (см. п. 40 выше) — вынудило г-на Девеера заплатить штраф в 10 000 бельгийских франков в порядке урегулирования, что привело к некоторому уменьшению его имущества. Однако уплата этой суммы была произведена в условиях, несовместимых с требованиями статьи 6 п. 1 Конвенции. Соответственно, излишне уснавливать нарушала ли уплата этой суммы статью 1 Протокола № 1; данный вопрос не имеет практического значения для решения по данному делу.

Д. Применение статьи 50 Конвенции

59. Г-н Ван Хилле от имени наследников заявителя потребовал справедливого возмещения, состоящего:

— “в материальном плане” в “возмещении суммы штрафа” и 800 французских франков — расходов на транспорт и проживание, понесенных в связи со слушанием в Комиссии 9 декабря 1977 г.;

— “в отношении морального ущерба” в “установлении Судом нарушения прав г-на Девеера” (см. п. 24 выше).

По мнению Правительства, аннулирование Государственным советом Декрета от 9 августа 1974 г. и “вытекающее отсюда возмещение суммы штрафа... выплаченного в порядке урегулирования, составляют полное возмещение в смысле статьи 50 Конвенции за последствия решений, на которые ссылается заявитель” (там же).

1 октября 1979 г. гrefье по поручению Суда попросил Комиссию уточнить была ли “предоставлена заявителю в соответствии со статьей 4 п. 2 приложения к Правилам процедуры Комиссии судебная помощь, покрывающая понесенные им расходы”, о которой упоминал г-н Ван Хилле. На следующий день секретарь Комиссии дал отрицательный ответ.

60. Соответственно, Суд считает, что вопрос готов для вынесения решения (статья 50 п. 3 первое предложение Регламента Суда).

Насколько Суду известно, бельгийские власти еще не возместили наследникам г-на Девеера неосновательно уплаченные им 10 000 бельгийских франков. Более того, никто не оспаривает, что расходы, связанные с его явкой в Комиссию в декабре 1977 г., действительно имели место и что их оценка в сумме 800 французских франков представляется в высшей степени разумной. Наконец, заявитель и его семья, несомненно, понесли моральный вред, требующий возмещения.

Поэтому Суд удовлетворяет просьбу заявителя.

ПО ЭТИМ ОСНОВАНИЯМ СУД

1. *Отверг* единогласно возражение Правительства, о неисчерпани внутренних средства правовой защиты;

2. *Решил* единогласно не прекращать дело производством;

3. *Постановил* единогласно, что имело место нарушение статьи 6 п. 1 Конвенции;

4. *Постановил* единогласно, что нет необходимости рассматривать данное дело на предмет соответствия п. 2 и 3 указанной статьи;

5. *Постановил* шестью голосами против одного, что нет необходимости рассматривать данное дело на предмет соответствия статье 1 Протокола № 1;

6. *Предоставил* единогласно заявителям справедливое возмещение, состоящее:

— в материальном плане в возмещении государством-ответчиком 10 000 (десяти тысяч) бельгийских франков, уплаченных их мужем и отцом 2 октября 1974 г. и 800 (восемьсот) французских франков в возмещение расходов на транспорт и проживание, понесенных в связи со слушанием дела в Комиссии 9 декабря 1977 г.;

— в отношении морального ущерба — констатацией факта нарушения прав г-на Девеера.

Совершено на английском и французском языках, французский текст является аутентичным, и оглашено во Дворце прав человека Страсбурге 27 февраля 1980 г.

Марк-Андре Эйссен
Грефье

Герман Мослер
Председатель

ЧАСТИЧНО ОСОБОЕ МНЕНИЕ СУДЬИ ПИНЕЙРО ФАРИНЬИ

Я очень сожалею, что не могу разделить мнения большинства моих коллег в отношении п. 58 мотивировочной части судебного решения и п. 5 постановляющей части.

Я хорошо понимаю и одобряю п. 55 и 56, т. к. в данном случае можно сказать, что п. 1 статьи 6 Конвенции поглощает п. 2—3 этой статьи. Фактически мы сталкиваемся здесь с тем, что известно как “кажущаяся конкуренция”; признание нарушенными требования п. 1, освобождает Суд от рассмотрения настоящего дела и в свете п. 2—3.

Сказанное нельзя применить к статье 1 Протокола № 1: статья 6 Конвенции требует справедливого разбирательства, сопровождаемого всеми гарантиями, предусмотренными Конвенцией в данном вопросе, тогда как статья 1 протокола № 1 касается защиты права собственности.

Одна и та же ситуация может привести к нарушению двух разных интересов, каждый из которых не поглащает другой. Здесь мы сталкиваемся с “идеальной конкуренцией”. По моему мнению, Суд должен был соответственно рассмотреть обстоятельства дела в свете статьи 1 Протокола № 1. Он бы пришел к выводу, что либо имело место нарушение статьи 6 п. 1 Конвенции и статьи 1 Протокола (Суд уже выносил постановления, что одни и те же факты могут составлять нарушение нескольких статей Конвенции, например, в деле Голдера), либо нарушения статьи 1 не было; — я разделяю такой вывод — (Суд уже признавал нарушенной одну статью и отсутствие нарушения другой, например, в деле Рингейзена) либо признать, что статья 1 не подлежит применению к жалобам г-на Девеера (Суд принял подобное решение в деле Маркс относительно статьи 8 Конвенции и статьи 1 Протокола).